

Илья Аркадьевич Новокшенов родился в городе Липецке. Учился на филологическом факультете Воронежского государственного университета. Участник литературной студии «Современник» при Воронежском отделении Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Илья Новокшенов

ДАЙТЕ МНЕ ТОЧКУ ОПОРЫ

Повесть

Трек первый.

**«ДА Я ДАЖЕ НЕ ЗНАЮ,
ЧТО ТАМ ЗА ДВЕРЬЮ В ЛЕТО!»**

Девятнадцатое по счету двадцать шестое июня в своей жизни почти что меломан Серега Витальевич Смирной (или Серый, до официоза ему еще было далеко) начал с невероятного по своей продолжительности подъема с кровати, сопровождаемого кряхтеньем, оханьем, но, что самое главное, нытьем. В двушке, которую занимало данное тело с его матерью и сестрой, такой уклад уже перестал вводить женскую часть населения в иступление, и первый час после пробуждения парень был предоставлен себе в полной мере. За это время он едва успевал встать, ибо спать получалось часов по пять. Свое совершеннолетие вчера он встретил на Инферно, о чем и был осведомлен нестройным, полусонным гулом «С др, Серый». Впрочем, за такую «наглость по отношению к семье» уже в час полудни Серега сидел за праздничным столом, вкушая свой любимый оливье, и, как маленький мальчик, болтал от удовольствия своими длиннющими ногами.

Подарок обычно — это самая приятная часть дней рождений. Но была в стаде одна белобры-

сая овечка. Вот что ему могло не понравиться в ключах от дачи (с брелком-мишкой) и в благородно постаревшей акустической гитаре? Много чего, как выяснится позже. Он вообще-то сразу смекнул: мать просто опять взялась за старое. От сестры помощи не дождешься, конечно! В ее подневольных глазах читались лишь сочувствие, жалость и насмешка над старшим братиком. (Чуть в меньшей степени, справедливости ради. Впрочем, в достаточной, чтобы Серега про себя наговорил ей пару ласковых).

В шахматах меньше вариаций ходов, чем случаев, когда гражданин Смирной проходил по делу «закапывания своего таланта в землю». С испуганным «Е-мое!» вспоминались гитарные потуги, когда по СТС начинались «Смешарики», а в его квартире начинали раздаваться мотивы трижды проклятого «В траве сидел кузнечик». Столь упорные попытки выдавить очередные ноты из простой песенки оборачивались настоящим кошмаром. Мать выкручивала телевизор на максимум, а самому младшему члену семьи оставалось лишь таить обиду на шестипалую скотину и на орущего очередную шутку Гарика Харламова.

Так семья и жила, пока наконец-то последний экзамен в подземелье не был сдан, учитель не забыт, а гитара не перестала совершать акты вандализма (возможно, из-за того, что в один прекрасный день мальчишка «случайно оперся» на нее, а та, неприятно бряцнув, роль подпорки играть не согласилась). На каждом это отразилось по-разному: мать почему-то уверовала в божественные способности своего сына к игре, сестра же Алиса сразу подписала с братом договор о «бесконечной тишине», по которому каждое превышение уровня децибел со стороны Смирного С.В. позволяло Смирной А.В. этот самый уровень превысить вдвое, дабы оповестить провинившуюся сторону о нарушении (впрочем, Серега сам был рад прекратить этот водевиль, что сблизило его с сестренкой еще больше). Сам же маэстро понял, что при следующей встрече с гитарой на пустой дороге живым уйдет только один. А ног у гитары не наблюдалось.

И вот картина маслом. Застывшая в руке ложка праздничного салата, сияющая самым ярким блеском от своей умопомрачительной идеи Людмила Ивановна и сестра, раздираемая одновременно и сочувствием, и смехом, и страхом, ибо снова слушать эти гитарные конвульсии будущей одиннадцатикласснице ой как не хотелось. Сейчас мы попробуем проследить за всем спектром эмоций Сереги — итак, буквально на минутку вернемся назад:

— Что ж, Сереженька, ты знаешь, что ты — моя надежда и опора, и я тебя очень люблю. (Щечки зарделись, как у семиклассницы при вручении похвального листа.) И я хотела бы подарить тебе это. (Появляются ключи, шальная мысль о машине затемняет взор героя, но тут он видит брелок с слочкой — это ключи от дачи; взгляд полон скепсиса.) Да, это тебе переходит на все лето, чтобы и ты побыл один, где надо, по своим делам, может, девочку привел. (Серега на этих словах одновременно издает нервный смешок и заливается краской: «Ну какие девочки, мааам!») Да, и еще кое-что. (Ну, теперь точно машина, или ноутбук, или, или, или...) Вот, смотри-ка, что я сумела достать — твоя старая знакомая! (В один миг у парня душа стеклась по стенкам организма в пятки, а воздух кончился, захотелось закрыть глаза и не проснуться, но-но-но-но его же никто сейчас не заставит, правильно?) Я записала тебя на один конкурс в июле, а победитель получит пятьдесят тысяч рублей, представляешь! (В голове начала проигрываться запись падения самолета с невероятно громким гулом. Лето умирало прямо на его руках...)

Почему же он просто не отказался от участия? Дело в том, что Серый имел твердую позицию: если ты ступил на дорожку из желтого кирпича, то сворачивать права у тебя нет. Именно поэтому таких дорожек он в жизни своей успешно избегал, ведь ему казалось, что ничего заурядней его существования на свете придумать было нельзя. В десять лет он собирал карточки черепашек-ниндзя, но обо-

равшееся на середине коллекции финансирование обрушило планы волка-зубами-щелка с Ленина-стрит. Со злости он отдал за бесценок стоящим у туалетов (черный рынок, сами понимаете) брокерам все честно нажитое и домой вернулся весь в слезах, но со жвачкой во рту. Однако это вишневое счастье длилось недолго. Мать всыпала за такие выкрутасы по первое число, «жувка» была конфискована, и ничто в мире не было способно утолить его горечь. Разве что обнимашки с мамой и последующий поход в парк, где Сережа мог выбрать любые аттракционы. Впрочем, в нем закрепились уверенность в том, что ничего великого он сотворить не в состоянии.

Поэтому и появился в жизни комп. В нем не требовалось учить какие-то формулы или знать, как держать в руках инструмент. Все проходило легко и весело, особенно с друзьями. Отца парень не видел уже очень давно, по словам матери, он был «прирожденным раздолбаем», оттого статус главного в доме как-то сам собой отошел парню к шестнадцати годам, и требовать выключить «свои стрелялки» мать уже не могла. Началась по-настоящему запойная эра. Была у него лишь одна лучшая подруга, она-то и делала жизнь жизнью. И шли они рука об руку уже который год — он и Музыка. С ней он был как за каменной стеной. И что, так вот он не тужил и жил? Да я вас умоляю.

Звали ее Катей. Она появилась в начале последнего учебного года совсем внезапно, и так же внезапно Сережка получил своего первого соседа по парте с десятого класса. Приятный голос прошелестел: «Привет», и парень сразу понял, что встрял по полной. Помолчав секунд пять, он выдал что-то между «Хей» и «Ха» и решил подбросить девушке быстрый взгляд. В глазах тут же потемнело — стало ясно, что такие трюки ему впредь будут не под силу. В классе Серегу прозвали Фонарем, так как смотреть он стал все время вниз. Но как только школа, как в залихватской комедии, давала парнишке пендель своими дверьми, он тут же нацеплял свои крылья и летел домой — восхищаться. Страницы в ВК и Инстаграмме были засмотрены до дыр, лайки были поставлены везде. (Впрочем, не с основного аккаунта — за маньяка примет.) Как назло улыбавшаяся с фотографий «фемина олимпийского происхождения», как ее называл за глаза наш хомо слюнопусканиенс, была настолько неотразимо хороша, что до кнопки «Сообщения» его курсор или палец никогда не доходил. Как могла такая ответить ему? К сожалению, Серега стал заложником своих же страхов, ведь Кате он был вполне симпатичен. Проклятая скромность сгубила молодую любовь, как бы за нее ни бились люди, не относящиеся к ней напрямую.

Алиса была девочка неглупая, да и уж больно все было очевидно: беспричинная улыбка, искрящиеся глаза, повышенная агрессия на нарушение личного пространства. Собственно, одно такое нарушение и стало последней каплей. На вопрос «Как ее зовут?» Серега сделал такое лицо, как будто сестра только что подлетела на пять метров, сделала тройное сальто и в полете назвала все двенадцать паролей на его компе. Отпираться было глупо, да и помощь лишней тут точно не была. За четыре месяца он произнес в сторону своей соседки ровно три слова, одно из которых — это «Прости» (Серому настолько некуда было деть руки в первый день, что он локтем заехал Кате в бок от всей своей нервнойности), а другое — «Спасибо» (Катя, широко улыбнувшись, попыталась подзадорить казанову: «Да ничего страшного!», но к ее прекрасному голосу «дружелюбный сосед» все еще не привык, оттого мозг в спешке выкинул нечто совсем уж невразумительное).

Полтора часа Алиса убила на то, чтобы убедить брата в том, что он рохла. Но рохла, у которого есть все шансы завоевать сердце любимой дамы! Никакие бизнес-тренеры не ораторствовали так, как в тот день Алиса, и, казалось, свет в конце туннеля протянул Сереже свои лучистые руки. На следующий день он пришел в школу в полной боевой готовности, взгляд наконец-то был направлен выше де-

вяности градусов. Но судьба-злодейка знала, когда свистнуть воронок. Кто бы смог вспомнить в таком состоянии, что завтра уборка какой-то там территории? По итогу Серый выделялся среди четырех активистов в классе своим школьным серым костюмом и такого же цвета лицом. К такому жизнь его не готовила. Разуценная за полдня вступительная речь к церемонии ушла, грустно кивнув на прощание. Вернувшись домой, он понял, что на еще один такой рывок ему попросту не хватит сил. Это окончательно убедило его в своей полной беспомощности. Заставшая воющего в подушку брата Алиса решила, что клин клином вышибают, и сама разревелась, как в старые добрые.

Сергея прикола решительно не понял. Отклеив лицо от подушки, он неловко устоял на стоящую посреди комнату и пухнущую от слез сестру.

— Ты-то тут чего реवेशь? У нас у всех сегодня такой паршивый денек?

— Она отказала тебе, да? У нее уже кто-то есть? Кто, кто этот...

— Да не пришла она сегодня! Как же этот мир неспра...

Три секунды девушке понадобилось, чтобы понять, что только что было сказано. От возмущения ее лицо стало еще краснее, а еще через три секунды она набросилась на Серого с кулаками.

— И ты! (по спине). Из-за этого! (по ногам). Распустил! (куда-то в район предплечья). Сопли, НЫТИК (сокрушительная длань обрушилась в форме подзатыльника, удар был крепок и звонок)! Завтра ты пойдешь делать то же самое, понятно, дурень?

Он кивнул, прекрасно отдавая себе отчет в том, что никогда этого не сделает. Через два месяца у Нее на аватарке в злобной насмешке кривлялся парень. Это был крах. (Особенно для сестры, ибо ее груд улетел в трубу. Запала Сергею пока что явно не хватало.) Еще месяц мальчишка залечивал свои душевные раны, вырубая в себе остатки прошлого чувства. Дни тянулись медленно и, как полагается, мучительно. Старый приятель-компьютер не ускорял время, как это бывало обычно, а читать его никогда не тянуло. Оставалось просто лежать у себя на кровати, слушать melancholic песни и жить обычной жизнью. Нахождение в школе стало отвратительнее, чем когда-либо. Чтобы попытаться спасти себя от бесконечной боли, Серега уходил в чертоги своего разума, слоняясь на переменах от кабинета к кабинету, как потерявшийся в толпе маленький мальчик. Но день менял другой, и парень просто устал страдать. Однажды он вернулся домой, подошел к сестре, обнял ее, вздохнул полной грудью и, войдя в свою комнату, нажал на системном блоке на запыхавшуюся и уже давно заждавшуюся своего хозяина кнопку подачи питания. Теперь лишь редкими, особо грустными вечерами он заходил на ту самую страницу, смотрел на фотографии (быстро перелистывая аватарку) и вздыхал о невозвратных и далеких днях, когда в нем было хоть что-то настоящее.

А меж тем постименинный соня, наконец, был готов встретить новый день всей своей любящей душой. Но на Вселенском наблюдательном посту сегодня было скучно, а издевательства над доброй натурой вызывали в них, видимо, чувство собственного превосходства. Тут же в белобрысой голове вспышкой промелькнули вчерашние события, и настроение моментально пошло на дно. Ссылка на месяц без компа и под мышку с гитарой — отдых обещал райские наслаждения! Как бы для успокоения Серега дважды громко вздохнул и выполз на свет божий в коридор.

На часах две стрелки стояли по стойке смирно. В коридорах уже стояли несколько рюкзаков с вещами и тюков с едой — переезд на дачу был назначен на сегодняшнюю дату. Уставившись на все это барахло, парень начал погружаться. Столько баулов ему было в жизнь не донести в целости, учитывая, что ехать надо было на автобусе. Вопрос о вещах стоял ребром. Отвиснув, Серега направился в цитадель матери. То есть на кухню. Там играл горячо любимый мамой Чиж.

— Доброе утро, мам. Вы меня, я так понял, отправляете не на месяц, а на целый год вперед? Учти, зимой я выжить не смогу — не обучен.

— Доброе, сынок. Слабое нынче поколение, слабое. Эх, а сколько вас таких уходило в лес...

— Тебе все шутки, мама. Я же не верблюд и не ишак! (— Еще какой верблюд! — Алиска, давно не щекотали? — Да все, молчу я.)

— Конечно, нет. Да, пожалуй, об объемах стоило подумать. Сейчас мы с тобой быстренько лишнее уберем, да?

...Шел второй час «Модного приговора». Серега с пеной у рта доказывал, что без футболки Акинфеева с его же автографом ему нельзя будет показываться на глаза туземцам. Мать тоже спуску не давала: на даче такую порвать было раз плюнуть, к тому же слово «стирать» и Серый никогда еще не пересекались в одной плоскости. Серега поминутно сдавал позиции, пена, как у просроченного огнетушителя, начинала терять свой эффект. Нужен был вариант для контратаки! И тут, как в игре, из-за набранных прежде очков опыта открылась новая функция в диалоге — «Канючить». Через три минуты мучения бесконечными «Пожааалуйста», произносимыми сюсюкающим голоском, Людмила Ивановна капитулировала.

— Но если с ней что-то случится, я имею право на одно «А я же говорила!».

— По рукам!

Теперь можно было пройти последний раз по квартире. Выйдя на балкон на кухню, он вдруг подумал, что все не так уж и плохо. Городской досуг перестал видаться таким уж распрекрасным, как казалось до этого. Друзья, как обычно летом и бывает, перешли на более реальный образ жизни, и бобылем сидеть расхотелось окончательно. «Что ж, гитара, из нас двоих “Укрощение строптивой” смотрел только я!» — плюнув в городскую бездну с высоты шестого этажа, парень дальше отправился по дороге памяти.

Родная комната источала милые сердцу феромоны затхлого воздуха и пота. От переизбытка чувств шальная мысль проскочила сама собою: «А может, одну игру, пока не уехал?» Но желтая дорожка незаметно подложила-таки под ступни парня свои кирпичики. Отступить было нельзя. Бесповоротно нельзя! Постучав по дверному косяку, как бы отбивая кулачок с родной обителью, Серый пошел переезжать.

Пора хоть и ненадолго, но распрощаться с семьей, подступила незаметно. Мать поцеловала в щеку и дала последнее напутствие:

— Сынок, повеселись там. Я знаю, ты думаешь, что я на старости лет сошла с ума и вообще тебя ссылаю... — Тут Сереге стало стыдно за хоть и маленькую, но все же долю правды в словах мамы. — Но мне хочется, чтобы ты нашел для себя и в себе что-то новое. Обещаешь попробовать?

Сын, конечно же, пообещал. Кивнув, Людмила Ивановна отошла в сторону. Алиска тут же отозвалась:

— Да уж, как здорово, что все мы здесь сегодня собрались! — Молодняк тут же приснул.

— Все, братик, не кисни. Постарайся не помереть, пока я не приеду, окей? А то лопатой себе по башке дашь, и кто ж тебя, беднягу, найдет? (— Алиса! — Ладно-ладно, мам, шучу я!)

Серый ухмыльнулся. Она все же знала толк в проницательных поддевках. На этом Сережа и Алиса исполнили свой ритуал приветствия и прощания, который они подсмотрели еще в дремучем детстве в каком-то американском фильме. Кулачок ударился сверху, снизу, и от удара костяшками пошли брызги.

— Ну, семья, не поминайте лихом!

С этими словами Серый решил отпустить земной поклон, но забыл о закрепленном на спине инструменте и получил от него по затылку. Выходил из квартиры парень под хохот сестры и в расстроенных чувствах.

Трек второй.

«STRAIGHTEN UP, LITTLE SOLDIER»

Первое, что увидел парень, притащившись на остановку, — зад уезжающего автобуса. Естественно, того самого, который был нужен ему. Теперь предстояло ждать новый, который прибудет минут через сорок. Ноги подкосились сами, тело тяжело плюхнулось на маленькую скамейку. В столь неблагоприятной для живых существ обстановке время запекалось, становясь настолько твердым, что парень чувствовал каждую секунду всем своим телом. На каждом втором выдохе для поддержания системы жизнеобеспечения приходилось припечатывать нецензурное словцо. (Приходилось!)

Рядом присели и, что самое странное при такой духоте, заговорили:

— Благородный инструмент у вас, молодой человек. Вы умеете играть?

— А? — Серега не мог и подумать, что услышит здесь человеческую речь. — Нет, но еду учиться. На дачу.

Голос (по признакам лет шестьдесят) удивился:

— На дачу? Я, признаться, не вижу логики.

— А я, знаете, тоже. Но впереди у меня конкурс. Да и маму подводить не хочу.

— А как же себя?

Ему точно было шестьдесят. Хотя вид у него был невероятно молодцеватый. Казалось, что 30-летний просто покрасил волосы в странный платиновый цвет. Серый задумался.

— Не знаю. Мы с ней, — кивок на инструмент, — не ладим. И в своих силах я не очень уверен. Но хоть что-то из себя изобразить я должен? Должен. Пока что хотя бы ради мамы. А там посмотрим.

Собеседник задумался в ответ.

— Я понимаю, молодой человек. Вас ни в чем нельзя винить. Но, слышите на чуть старика, — все у вас получится. Возможно, не в одиночку. В одиночку-то да без опоры оно всегда труднее. Да. Так что вот вам мой добрый совет. — И усмешка у него подозрительная, ей-богу. («Бенджамин Баттон какой-то!» — и я абсолютно с Серегой согласен.) — Делайте все от вас зависящее, но не бойтесь в чем-то зависть от других!

После небольшой паузы он добавил:

— Вообще, кого-то вы мне напоминаете. Очень и очень сильно. Но кого?

— Да любого парня моего возраста, наверное. Знаете, всегда грело душу то (ну, или печло, как в нашем случае), что я такой нескладный не один. Вы как считаете?

— А так и считаю. Ты же мне вот лучше и скажи — откуда такая неуверенность? У вас же столько возможностей!

— И все они непонятно где. Вроде и рядом, а нормально не ухватишь. Вот чего-то не хватает. А чего? Да фиг его знает. Поддержать, наверное, некому. Это я про сверстников — одобрение взрослых какая-то, ну, не очень помогающая вещь, что ли. Оу... — Дед Коля хорошо маскировался, но был, как-никак, взрослым. — Это я не специально! Ваши слова мне все же были приятны. Эх... — Серега безнадежно махнул рукой на свою неловкость. — Надеюсь, вы меня поняли.

Старичок спрятал улыбку за прищуром от солнца.

— Вполне.

...Жалко было, что дед Коля не жил с ним на одной линии. Впрочем, телефонами обменялись. Когда подъехал ненужный автобус, парень волей-неволей заревновал.

— И вот как это работает? Я тут сижу уже почти час, а вы только пришли и уже уезжаете, Николай Матвеевич, ну что это такое!

И этот дедушка как-то совсем по-детски высунул язык и, что самое страшное, показал его ну уж очень обидно. Владелец обидного языка махнул рукой, лихо похватал вещи и растворился в недрах автобуса.

— Круто.

И вот, когда казалось, что даже потеть скоро станет невозможно, вдали замаячил караван пустыни под номером 40. «Удобный автобус с прогнозом погоды, чтоб его!» — зло прошипел будущий дачник. Увидев забытые до отката автобусные внутренности, захотелось взвыть. Весь этот день будто был сплошным вызовом, который с каждым новым этапом становился все изощренней. Пока Серый произносил: «Господидачтожеэтозанаказаниетакое», появившийся рядом кусок раскаленного железа непринужденно открыл двери.

Шлепнув на тарелку деньги за проезд, он огляделся. Нет сомнения, что автобус ехал напрямиком из глубин ада. Пассажиры сидели как грешники, понуриив свои головы, обмахиваясь чем только можно. Свободных сидячих мест не было и в помине. Примостившись между дедом из семейства безмаечных и женщиной лет тридцати пяти, Серега оперся о горячее стекло (впрочем, тут же отпрянув), чтобы хоть как-то сохранить личное пространство.

— Убери свою хренову гитару, пацан!

Это был безмаечный. Серега уже открыл рот, чтобы произнести целую тираду о том, что он зажат между людьми, и его мобильность от этого крайне ограничена, и вообще у него уже все затекло, и он сам бы рад освободиться от людского плена, а еще гитару он брать с самого начала не хотел, но ему сказала мама, и у него не было выбора, но мчащаяся со всех ног мысль-квотербек опрокинула никому не нужные стенания. Пробубнив фирменное «Да, тысячу извинений», парень начал разворот на 180.

Спустя десять тысяч лет (а в переводе на немученический — двадцать минут) путешествие подошло к концу. Каждый побряцал костями на свой круг ада, и воздух стал-таки пригоден для дыхания. А с возможностью дышать вернулись и простые человеческие нужды. Уже через минуту Серега стоял, щурясь от ярко слепящего солнца, с усами из пены от свежайшего кваса. Амброзия насыщала организм и буквально вынуждала улыбнуться прекрасному будущему. Бороться с этим чувством никак не хотелось. Лениво взгляд зацепился за магазин, он же — местная точка сохранения. Кивнув себе в подтверждение, Серый направился в свою виллу русского образца.

Эта самая вилла находилась на одной из прилично удаленных линий садов. Было интересно проходить мимо них, вглядываясь в недра, угадывать по внешнему виду внутренние порядки. Например, если у входа тебя встречала гора мусора под табличкой «Не мусорить! Штраф — 5000 рублей», то сразу становилось понятно, что это — специальная линия для людей с дислексией. Где-то проход напоминал джунгли, настолько он зарастал всевозможными растениями. Внутри мерещились крики экзотических птиц. Хотя, наверное, это были обычные вороны. Серый уже свыкся с погодными условиями, организм включил режим энергосбережения.

Первое, что бросилось в глаза и под ноги в родной обители, — трава ростом в метр, расплзшаяся напрямиком до освоенной человеком земли (то есть до беседки). Кстати, беседка тоже походила на место сбора всяческих попугаев, обезьян и прочих жителей тропиков. Каменный двухэтажный дом выглядел чуть потрепанным, но в принципе пригодным для жилья. Окно на кухне отсутствовало, но во всем надо искать свои плюсы! Значит, проще выходить к баку с водой! В баке не было воды — не беда, займемся физическими упражнениями и будем использовать скважину! Занятие огородом — отличная возможность попробовать себя в ботанике! Понятно одно — с негативом и недоверием надо бороться. Это будет на-

чалом его новой жизни, все с чистого листа и никаких предрассудков! Новая обстановка, новое занятие! Жизнь явно пыталась приоткрыть свои кажущиеся столь тяжелыми ворота, и так хотелось верить в свое предназначение, даже если этот порыв казался невероятно наивным. Ведь нельзя же на заре новой эры оставаться ветхим собой. Это казалось настоящим кощунством по отношению к будущему себе. Вера в чудо очаровала молодого человека, и он, глядя на свой новый дом, прошептал лишь:

— Пожалуйста...

Трек третий.

«TOGETHER WE STAND, DIVIDED WE FALL»

Хандра случилась ночью. (Подобное обострение часто приходит к наступлению сумерек. Мрак окутывает твое одиночество так плотно, что оно начинает ощущаться физически.) В динамиках телефона Фил Коллинз пел нетленное «In the air tonight». Вечер не принес прохлады, засыпалось беспокойно. А когда тебе не спится, мысли о прошлом беспощадно давят черепную коробку.

Закинув руки за голову, Сережа думал о людях. За свое одиночество ему было обидно. Оттого опять подумалось о Кате. Вот что хорошо умеет делать русский человек, так это грустить. Все наше общество день за днем таскает с собой портативную черную дыру грусти, которую в любой момент можно достать.

...Утро несло с собой неприятное послевкусие вчерашнего ментального безобразия. Наскоро умывшись, гитарист решил брать быка за рога не отходя от кассы — да и вообще куя железо, пока горячо. Чтобы не обижать маму, он действительно немного подготовился: нашел нужные ноты для парочки вроде как подходящих песен, скачал обучающие видео, установил на телефон настраиватель гитары.

Похрустев пальцами, парень сел за ноты. Сейчас-то он их быстро покрошит. Руки еще должны помнить старые мучения!

Спустя еще минут сорок половина линии могла услышать громогласное, искренне утомленное: «Твою маааааать!..» Ни черта он не помнил. Да и работать на свежем воздухе оказалось, конечно, плохой идеей: мозг то и дело отвлекался на прозрачную тишину местной природы, нарушаемой разве что птичьими переговорами, небо, как назло, было лазурным аж до щемящего ощущения в груди, а воздух наполнял внутренности чем-то легким и приятным. Душе хотелось пуститься в экзистенциальный скач, хватая в дружеские объятия всех окружающих, отыгрываясь тем самым за сопливую ночь.

«Забодало, я на речку», — решил Серега.

А если забодало, то зачем бороться с собой? Телефон на полную — и вперед!

В воздухе раздавалась рок-н-ролльная и до ностальгических ранок на душе легендарно-ливерпульская «Drive my car». К прекрасной гармонике Маккартни и Леннона добавился дембельнувшийся с пубертата голос Сереги, а такие ребята могут корябать слух.

— Из тебя ужасный певец, тебе кто-нибудь это говорил? — объявила ему ново-явленная фанатка битлов дачного пошиба. Она явно стремилась выделиться: рыжие волосы были оформлены в два пучка, рокерская челка лезла в глаза, и время от времени девочка заносила голову вверх и дула на нее, будто стремясь притушить хоть на время свои огненные космы. Красивые серьги в форме крестов вызвали не страх, но уважение к носящему, а надетая вообще не по погоде черная кожаная куртка на майку с полужизотичными нынче Флойдами и завершающие образ джинсовые шорты лишь подкрепляли это чувство. Аккуратный нос, красивые скулы, почти незаметные дочери солнца на щеках и вокруг носа (у рыжих оно

бывает по-разному, сами понимаете) и общая миниатюрность (рост, на глазок, был не больше 165) подходили к вопросу столь разительного отличия своими тропами. А одна деталь вообще ни в какие ворота не лезла. Желтых глаз Серега в своей жизни не видел никогда. Хитрый, в чем-то даже кошачий взгляд с озорным прищуром ставил жирную точку в сложившемся впечатлении: девчонка была — за-качаешься.

Серый от непреходящего восхищения в ответ лишь глупо хихикнул.

— Отвечай на вопрос!

— Эмм... Нет, не говорил.

— Странно. — Девушка выглядела действительно удивленной. Серега решил сыграть обиженку (хотя вообще об этом факте знал уже порядочно), сделав смурное лицо и начав сопеть.

— Ты обиделся, что ли? Черт, прости, я не хотела.

Поковыряв носком вьетнамок землю, девочка решила пойти на контакт с белобрысым плеером на ножках:

— Я, кстати, Леночка, можно Ленка, нельзя Елена, откручу голову, понятно?

От количества противоречий за единицу времени у Серого голова пошла кругом. Он немного потерял контроль над ситуацией и дальше над словами не особо думал:

— Ты странная.

— А ты выносишь мне мозг своим пением и бряцаньем по струнам.

— Значит, мы в расчете?

Лена задумалась.

— Да, пожалуй, что и так. Тебя как звать хоть, каланча пожарная?

— Серге...

— Ой, да не смейся! Ты самый что ни на есть Сережка. Можешь не спорить, да у тебя и не получится. — Девчонка, гордо улыбнувшись, тряхнула челкой.

— А ты слышала, как я играю? — Серый почесал голову. Уж больно ее реплика была странная. Да и сама Лена как будто с другой планеты. Он таких раньше не встречал.

— Кто сказал, что ты играл? Ты терзал бедное живое существо своими граблями — вот что ты делал. Тебя, наверное, поэтому сюда и изгнали, чтобы ты домо-чадцев не мучал?

Сереге про себя подметил, что эта рыжая — стопроцентная ведьма и наверняка из одного с сестрой шабаша. Поразительная пронизательность.

— Да, в общем-то, ты угадала. Мама записала меня на конкурс, а я вообще ничего не умею. Вот и, кхм, играю. — Дамы и господа, прелюбопытнейшая попытка в настойчивость, а ну-ка!

— Прекрати, ты слышишь? — Закономерный провал, причина: злое зыркание желтых глаз. — ЭТО — не игра на гитаре.

Взглядом Лена передернула затвор дробовика, Серега взглядом показал, что калибр по «контр-страйку» помнит хорошо. Девочка, мило улыбнувшись, убрала пушку.

— А что за конкурс?

— Не фиговый такой, скажу тебе. За победу 50 «ка» дают.

— Чего дают?

— Тьфу, деревня! — Серый ощутил чуть ли не гордость. Он уже сейчас понимал, что рядом с Леной подобное чувствовать будет нечасто. — На наречии современных... — издевательский акцент, — людей это означает тысяча.

Акцент был лишним.

— Это была претензия?

— Это был культпросвет, Леночка.

— Что ж, Сереженька, — издевательский акцент, — в таком случае большое спасибо!

— Хм, пожалуйста.

Леночка, казалось, в один момент была готова запустить в стоящую рядом каланчу чем-то тяжелым.

— Ладно, современный человек, — многозначительно усмехнулась девочка в майке с призмой, выпускающей все цвета радуги. — Значит, не умеешь с гитарой обращаться?

Парень, тяжело вздохнув, легонько кивнул.

— А знаешь, кто умеет?

Парень, подняв глаза, вопросительно хмыкнул.

— Да я, я умею, болван! Господи, доходит, как до жирафа.

— И ты готова мне помочь? Seriously?

— На самом деле нет, не готова.

Тут Леночка ойкнула и, сбросив с себя куртку, начала тщательно ее осматривать.

— Насекомые? — понимающе улыбнулся парень.

— Забор, чтоб его! Это я из-за тебя на него оперлась, чего я, подчеркну, не хотела! Тебе крупно повезло, что кожанка чистая. Крупно! — девушка ткнула пальцем в грудь «виновного». Тот заалел, как маков цвет.

— Так... Э... Ты не хочешь мне помочь?

— Ты что, русских слов не понимаешь? Я же сказала НЕ ГО-ТО-ВА, а не НЕ БУ-ДУ! Мне нужно все обдумать. Понял?

О чем тут можно думать, Серому было невдомек, но он решил не спорить со своей возможной покровительницей. Все могло сложиться просто офигенно! Учиться играть с красивой девчонкой под боком. Главное, чтобы она особо не завалась.

— Ау, Земля? Я к кому обращаюсь?

— Я все понял.

— Чудно! Ответ мой узнаешь вечером. А теперь катись... — последняя фраза сопровождалась соответствующим жестом маленьких пальцев с мозолями на подушечках. Парень старательно пытался не думать о том, во сколько раз его рука больше ее. («Почти в два, наверное, да, блин!»)

— И часто у тебя такое?

— Прости?

— Ты уже около шести секунд просто стоишь на одном месте и смотришь на мои пальцы.

— Прости.

— Ааргх, ты просто невыносим!

С этими словами калитка громко лязгнула металлом.

...Серега повесил сушиться полотенце, плавки и плюхнулся на матерые качели. Те спустя пару минут прозрачной тишины вокруг все же зашкрипели: «И что ты обо всем этом думаешь?!»

«А что тут думать? Я определенно заинтригован. Она хоть и хорохорится, но, вообще-то, предложила помощь. Это ли не альтруизм?»

«Да, точно, альтруизм! Так это теперь у вас называется?»

«О чем это ты?»

«Ты дурак или притворяешься? Красивая девчонка хочет прийти к тебе вечером позаниматься гитарой!»

«Ну она еще не...»

«Да, конечно, это она просто так предложила тебе, а сама не придет. Давай без придуривания, окей, тебе не к лицу. Ты ей понравился, черт побери!»

«Не носи ерунды. — Серега флегматично водил рукой по земле вперед-назад по вектору движения собеседника. — Я даже думать об этом боюсь. Это все чересчур преждевременно, так что давай не делать поспешных выводов, приятель. Уже оступались, знаем».

«Ну, как скажешь, хозяин — барин. Но я тебя предупреждал».

Тут Серый ощутил своим шестым чувством удар в области лба.

Настойчивый стук в калитку заложил уши. Качели были правы? Нет, глупости. Наверняка, соседка пришла проведать по просьбе матери.

— Здравствуйте, тетя Тань, все нормально!

Шагов слышно не было, отклика тоже. Оглядев все вокруг, молодой человек пошлепал к калитке. Щеколда, ржавая старуха, упорно тянула время.

— Я тут думала. А твоя лапа, наверное, раза в два больше моей руки. С пригорбим сообщая, что вы — неизлечимая каланча! — Это была она.

И Серега улыбнулся с таким распирающим матерью пространства счастьем, с каким ему никогда еще в жизни не приходилось.

Трек четвертый.

«ВСЕ ТАК ЖЕ, КАК ТОГДА»

— Прекрати лыбиться!

— А хоть дышать нашему брату можно? — Серый насупился. Хотя видеть ее он был очень рад. Одетая по-прежнему, да и хороша все так же. Невольно он держал с ней зрительный контакт больше, чем ему позволяла полудремлющая скромность.

— Вам пока ничего нельзя, мой юный друг!

— Это я-то юный? Мне так-то восемнадцать!

— Дааа? А мне вот девятнадцать, так что теперь ты полностью под моим командованием! — Разумеется, в конце она дунула на непокорную челку. Та с неохотой подчинилась. — В общем, пойдем посмотреть твои пастбища, феодал!..

— ...Да, Сереженька, живешь ты плохо. Огород запустил, дом хоть призраков пугай, качели ржавеют. И не стремно тебе так?

— Да как-то я этого всего не замечаю. Мне здесь хорошо... «А вот за качели обидно».

— Ладно-ладно, показывая инструментарий, в конце концов. Ой, Серега-Серега, ты не стой у порога!

Она затанцевалась в дом именно так, как сделал бы любой уважающий себя знаток «Комбинации».

Гитара отдыхала, грустно держась за печку на входе. Непримечательный корпус, на котором не было ни одного стикера или наклейки. Струны стояли не по размеру и, как непокорные усы, закручивались в причудливые фигуры на конце грифа.

— Даааа уж. Не бережешь ты ее. Чехол где? Чего она стоит голая?

— Да вон он, рядом. — Черный балахон валялся под лестницей, некрасиво согнувшись. Лена рыкнула так, что даже оркам было бы страшновато.

— Да что ж с тобой не так, упырь? Как можно так с девушкой обращаться?! — Проявив женскую солидарность, она одела бедную подругу. Серега женской солидарности не понял. Почесав котелок, он спросил:

— А зачем ты чехол надела? Мы сейчас не будем заниматься?

— Ага, не будем... — как само собой разумеющееся произнесла девушка. — Считай это нулевым уроком. Сегодня она, — Лена погладила пострадавшую, — отдохнет.

— Нулевой урок?

— Да, Сереженька, нулевой. Мы ж с тобой вообще не знакомы. А мама учила меня не разговаривать с незнакомцами. Ты вот фамилию мою знаешь?

Все затихло в доме Смирных.

— Так вот — Ожегова я.

— Как словарь?

— Поздравляю, ты тысяча первый. Купон дать могу. В лоб. Интересует?

— Спасибо, воздержусь.

— Я почему-то так и поняла. Стоять долго будем, мистер...

— Смирной. Серега Смирной... Разве что еще минутку.

Отсчитав минуту стояния, он отвел пока-не-учителя на кухню. Стол, как и было приказано, стоял у стены, пряча под собой два табурета. В единственном окне виднелись очертания винограда. Необычный для здешних мест аксессуар в виде электрического чайника начал свою работу.

— Ну и, эм, о чем говорить будем?

Лена спряталась за фейспалмом.

— Вот скажи, сколько у тебя девушек было?

Серега от этого вопроса напрягся.

— А не рано?..

— Да я вижу, что ни одной!

— Увы, была у меня зазноба...

Он взгляделся в сгущающуюся от нарастающей темноты фигурку, но та смеяться явно не собиралась. Наоборот, она вся подалась вперед, чтобы послушать историю.

— С Катькой я промучился полгода. Я тихо выстрадывал свое, она громко не замечала меня. Я ждал первого шага от нее. Зачем? А в душе не знаю. Но в итоге мы разошлись как в море корабли. Но это был очень ценный опыт. Так я себя успокаиваю, по крайней мере.

Улыбка на другом конце стола осветила ночную заводь.

— Конечно, Сережа. Для этого люди друг другу и нужны.

Леночка поместилась с ногами на табурете, положив подбородок на колени. Серый вытянул ноги и окончательно расплылся. Сверчки, вечные спутники сумерек, сверчковали о наступающей ночи. Задумчиво бегая глазами по стене кухни, два человека думали каждый о своем. И впервые в их мыслях о своем солидно заявил о своих правах новый объект. Леночка бросила взгляд направо. Серега бросил взгляд налево. Пауза поднялась, бесшумно собралась и пошла по своим делам.

— Ладушки, Смирной. Я потопала.

Даже луна, казалось, уже зевала, то появляясь, то исчезая за тучами. Серый поднялся.

— Тебя довести?

— Да не, не стоит. Тут идти-то два шага. Чай не пропаду. Бывай, что ли.

Под конец они все же ступевались. Обниматься на прощание было еще рано, просто махать рукой казалось глупо. Сошлись на пожатии рук. Ладонка у Лены была сильная. Серый, который по привычке руку сильно не напрягал, получил прокрут костей.

— Больно? То-то же. В лагере и не такому научат. Купи эспандер, помогает.

Она не могла уйти иначе. А он не мог не посмеяться.

Хотя заспанная по своей природе сцена после титров все же состоялась, ибо... Да просто так, в общем-то.

— Последний вопрос.

— У аппарата.

— Ты куда окно дел? Я вся замерзла, пока мы тут сидели.

— Разбил в невероятном по красоте прыжке, когда на дачу напала тыща террористов. Ничего особенного.

— Я почему-то так и поняла. Пока.

...Закрыв через пару минут калитку, Серый почувствовал, насколько смертельно он устал. Но уставать вот так хотелось как следует и по графику. У Сереги вдруг появилось то самое, одновременно приятное и истощающее, чувство в животе. Закономерное завершение такого дня.

Две головы синхронно бухнулись на подушку. И у каждой из них было ровно по одному предложению до отключки:

— Меня...

— В одиннадцать вечера спать охота — к дождю, что ли?

И сон накрыл их.

Импровизация.

«ОТ НЕЧЕГО ДЕЛАТЬ, ВО ВРЕМЯ ДОЖДЯ»

Пока Леночка восстанавливалась после непростого со всех сторон для себя дня, Серый успел встать и натошак закуривал сливочные палочки. Старые кости не вращали — погода тешила глаз, но не перспективу встречи с одной крайне заедающей рыжей девицей. Сразу вспомнилась композиция.

— Я придумал тебя, придумал тебя...

Когда нуждался больше всего. И очень было трудно поверить, что в этом мире действительно существует такая эмпатическая справедливость. Хотелось всячески гнать от себя сладкую крамолу. Такие мысли ведут к мечтам. К черту мечты. Эх, Ленка...

— ...Что мне делать с тобой, что нам делать теперь?

Каждый из вопросов представлялся до жути необстоятельным. Кто ОН такой, чтобы с ней вообще что-то делать, да еще и представлять слово МЫ? Ленка — другого эшелона человек. Абсолютно точно. Активная, целеустремленная. И не любящая раздолбаев. А Серый был законченным представителем своего подвида. Так ему казалось. И вот в какой-то момент в мысленный зал забежал один из тех придурков, которые вечно опаздывают в кино и после сидят и громко говорят другу, что фильм какой-то абсолютно непонятный. «А, ребят, мы тут чувства что ли обсуждаем? Хорошая вещь! Очень рекомендую!» Пленка оказалась негорящей, а входы из зала закрыты. Вспышка.

Я же знал...

— ...что любовь — это игры с огнем.

Нет-нет-нет! Но как...

— ...жить без огня, если дождь за окном?

Хватит! Это бред! Не можем же Я и Ты...

— ...войдешь в этот дом и останешься в нем.

Перестаньте! Я же знаю! Знаю, что ты уйдешь...

— ...вместе с тем, кто придумал тебя.

Перемотка на четвертый трек.

«СО ВЗГЛЯДОМ ВОЛЧИЦЫ»

Очухалась молодежь уже к околовечеру. (Угадайте, кто продрых больше.)

Дождь отступил еще к трем часам, так что сейчас в воздухе от дождевой леди остался только парфюм и тянущийся за ним туманный шлейф. Серый проснулся и сразу же вспомнил, с чем ложился. Хандра свое взяла — пришлось выглядывать из дома. Там уже бранили одного заспавшегося охламона, что тот пропустил свой файв-о-клок. Он и не думал спорить. Все было мокро и по факту.

— ...Лена, ты неважно выглядишь. Что-то случилось?

— Дневной сон случился, Милана Григорьевна. А так я в норме.

Сердобольная старушка заглядывала на огонек раз в недельку. В каком-то отношении они были полными антиподами, но, как оно обычно и бывает, лед и пламень вроде как ладили. Да и отчет перед матерью нужно было выдерживать.

Телефон проигрывал «Плейлист для сплина и Сплина». Как ни странно, играл при этом «Крематорий». «Маленькая девочка», если точнее.

— Как видите, живу тут потихоньку.

— Да уж вижу. — Добрые глаза уставились на глаза флегматичные. — А с окружением как? Нашла тут себе друзей?

Рыжая чуть не фыркнула вслух. Ага, уже разбежалась стучаться ко всем на линии в гости и спрашивать: «А вы дружить со мной не хотите?» Да и не нужен ей никто. Умный человек когда-то ввел в употребление слово «самодостаточность». И у Лены ее было с достатком.

Краеугольный камень в игре своей команды, рыжий смерч был прирожденным лидером на поле. Что, на женский футбол вы бы тоже не поставили? А с ней попробуй угадать. Вот вам интересный фактик: у Ленки было крайне оригинальное празднование гола. Она начинала дуть то на свои волосы, то на свои кроссовки, как бы показывая, что она бы и рада себя остановить, но все же никак не выходит. И голеадорила девушка знатно. Ловкая и хорошо владеющая дриблингом, работающая с обеих ног, штатный пенальтист своей команды — и это только игровые качества. В раздевалке капитан (очевидно) толкала такие речи, что в свое время хватило бы и десяти спартанцев.

И вот команда укатила на сборы, а Лена осталась здесь. Все же за полем их с девочками разделяла слишком большая пропасть. Когда в твоей крови плещется спортивный азарт, ты готов сотрудничать хоть с дьяволом. Впрыск отпрыскивается, и цинизм наваливается с двойной силой. Не хватает лишь киношной фразы: «Боже, и с кем мне только придется работать!» Сокомандницы не то чтобы ненавидели своего капитана. Просто старались всячески избегать ее везде, кроме игровой площадки. Она была независима, и окружающие ее решительно не понимали. Хотя, казалось бы, что такого особенного в том, что человек не боится показывать свой неоднозначный характер? Оказывается, что-то такое в этом было. Тренер терпеть не мог, что она могла указывать не тактические помарки, а девушки терпеть не могли ее зазнайство. Но слушались ее почти беспрекословно — такая и брошенным кроссовком бровь рассечет. Все это Лена чувствовала, аки флюгер в шторм. И ей нужно было местечко со штилем в небесах и тишиной в воздухе. Дальше все было просто — конфликт с тренером, обещание навечно сесть на скамейку запасных, прямые конфронтации с парой игроков, сломанная дверь в раздевалку.

При всем при этом девушка никогда себя не вела намеренно зло. Она сама иногда свой характер не понимала. Вот ей хочется лечь и упереться лицом в стену, вот хочется сбавить на гитаре что-то эдакое, а вот она уже пышет гневом на поле. И каждый день девушка ставила себе за цель собрать наконец себя по кускам. И пока все никак не получалось.

Не помни о прошлом.

— Да нет пока тут никого. Еще не вечер.

— Как скажешь, Елена. — Ленку передернуло. Предлагать чай расхотелось.

Наскоро распрощавшись с соседкой и мысленно пообещав в следующий раз не быть такой злоюкой, рыжая бухнулась в кресло-качалку. Крепко задумалась. Вздохнула. Зависла максимально низко над полом. Встала. Зашагала наверх. Достала бумагу, ножницы, желтый и черный карандаш. Вытрясла из клея последние силлики. Похимичила. Полюбовалась нарисованной обложкой The Velvet Underground. Включила Femme Fatale. И, спустившись, накинула на себя куртку.

- Привет, каланча.
- Привет, малая.
- Даже и не думай меня так называть.
- А тебе, то есть, можно?
- Ну, ты ж каланча.

Серый усмехнулся и впустил девчонку на свои земли.

— На, это тебе.

— Таких не знаю, — взглядевшись в банан, задумчиво произнес парень. — Но обложку видел. Спасибо, Лена.

— Не за что. Правда, не за что. Художник из меня так себе, но чем богаты. Пойдем играть.

Уже не удивляясь ни таким поворотам, ни отсутствиям вопросительных знаков в речи девочки, Серега просто пожал плечами и пропустил даму в дом. Гитара в этот раз стояла в чехле.

— Какая ты умничка, Сереженька! Настроил гитару, чтобы я сейчас с этим не долбилась полчаса. Очень мило с твоей стороны. Сгоняй свет включи пока, цигель!

— Итак, какой план?

— А меня ты чего спрашиваешь? Расскажи, что играть собрался на конкурс.

Следующая реплика является авторским знаком «Serega Nedoumkov Inc.», за любое ее использование без разрешения компании будет наложен штраф и подан соответствующий иск.

— Знаешь. Я вот тут понял, что не имею ни малейшего понятия.

Леночка цокнула, вздохнула с интонацией: «Я абсолютно не удивлена и ничего другого и не ждала», и встала.

— Молодой человек, а о чем мы тогда с вами разговариваем? Сплошной непрофессионализм.

Идет — глаза закатились, губы в снисходительно-пристыживающем узоре.

— Что ж за наказание мне такое двухметровое. Ты давай, марсианин, думай, а я пошла. Чао!

Учитель решил окончить урок без звонка. Ученик был критически туп. Но у него была надежда.

— Постой! Давай вместе выберем! Пожалуйста!

Тут же. Девочка развернулась и хищно улыбнулась. И тут же встала в позу.

— Ты не понимаешь, во что ввязываешься, — с замогильной интонацией отчеканила Лена.

— Ой, боюсь-боюсь. За каждый забракованный трек по откусанному пальцу?

— Именно, мой падаван, — и тут же несолидно защелкала зубами. Серега рассмеялся.

— Ну что ж, надеюсь, никому ничего отгрызть не придется. У тебя есть, что предложить?

— Ооо! — Тут Ленка хрустнула шеей. — У меня мноооого всего.

И, шлепнувшись обратно, неожиданно окончила фразу шепотом прямо в ухо Серому:

— Ооочень много!

Серегу потряхнуло. И непонятно от чего в большей степени — от неожиданности, холода или приятных ощущений.

— Есть вот, например, простая.

Понятие «простое» у пылающей рокерши было, как и большинство понятий в ее системе ценностей, своеобразное. Прокашлявшись, она лихо тяпнула по струнам. Темп песни так сразу и не подхватить.

— Мой фантом стрелой белой на распластанном крыле с ревом набирает высоту!

Вариант был интересный, да и маме бы понравилось. Правда, у Сереги был бзик. — Из кустов раздался дикий крик: АААУ! — Голос Леночки менялся от песни к песне, и везде она была, как родная. Они были с Музыкой не разлей вода.

— Лен. ЛЕНА!

— Берем?

— Не совсем. Я не чувствую, что это та песня. Она отличная, но должно быть что-то особенное.

— Ну, знаешь, что! Так тебе песни БОЛЬШЕ НЕ ВИДАТЬ! — она сбацила финальные аккорды «Фантома».

— Да должна же быть такая! Я просто не могу ее вспомнить. Пожалуйста!

Девушка поджала губы, посмотрела вокруг и, наконец, опустила челку вниз.

— Let's rock.

...Наверное, слово «бзик» я употребил не совсем корректно. Скорее это было похоже на одержимость. Все гитарные треки с отличными риффами откладывались в сторону из-за единственного аргумента: «Хорошо, но...» И стоит отдать должное Лене — четверть часа она держалась стойко.

— Скажи мне, ты и еду все время покупаешь одну и ту же, потому что тебе она понравилась? Ничего нового не пробуешь никогда? Сережа, пожалуйста, уважай мое время! Откуда я знаю, что тебе нравится?

Она встала, накинула куртку.

— Вот, знаешь, что? — Леночка закинула одну ногу в белом носке на диван и усталилась на подопечного. — Из тебя сочится неопределенность. Тебе надо быть проще. И я имею в виду образ жизни. В тебе есть зерно, Сережа. Но оно слишком глубоко закопано в заморочках.

Она сняла ногу с дивана. Проверила извечные пучки. Все в порядке. Уйди, челка.

— У тебя нет опоры. И, что еще хуже, стержня. Все, ничего не знаю! — этими словами она опередила рвущегося оправдаться Серого. — Поговорим потом. А может, не потом. Настроение ни к черту. Бесит...

И девушка, хлопнув дверь, разбросала кругом эмпатические частички суперпозиции. Сереге оставалось лишь негромко выругнуться.

Трек пятый.

«THE REAL FOLK BLUES»

Приснувший мартовский ветер, востепенувшись к границе июня, наконец-то собрал свои пожитки и стремительно понесся на родину, попутно забирая с собой и тепло летнего брата. В такой холод не хотелось ни гулять, ни заниматься. Хотелось просто быть, без лишних проволочек. И вот уже третий день Серый нес в себе чувство бессильной тревоги. Ему было никак. Все это время он пытался аккумулялировать слова рыжей в энергию, но двигатель работать напрочь отказывался. Музыка в доме не играла уже давно. Серый и не помнил, что вообще-то способен жить и без нее. Впрочем, чувствовать без нее он пока не научился. Скоро должны были кончиться продукты, и порог дома гадко хихикал, предвкушая одну крайне невеселую рожу.

В это время на пороге отбили нетерпеливую четку женские ноги в ярких красных кроссовках. Владелец их лыбился во все тридцать зубов и две пломбы.

— Ты? Какими судьбами, сестрица?

— Фу, какой ты грубиян! Хочу и появляюсь. А ну, брысь, дай дорогу!

— А ты как вошла вообще?

— Так это. Открыто у тебя, хозяин.

— Чего? Я три дня из дома не выходил.

Без комментариев.

— Несуветная ты балда, Сережа. — Об лоб звонко стукнулся красивый ноготок. — Мало того, что балда, так еще и невнимательный. Ну, здравствуй, здравствуй, бедный братишка-мальчишка! Какие новости?

Алиска по-алискиному лучезарно оскалилась.

— Я сюда зачем приехал? Очистить голову, начать что-то новое в своей жизни! Что я нахожу? Еще одну девчонку. Да пропади оно все пропадом! Про-па-дом!

Страдальца приняла кровать. Одеядо насмешливо подстелилось под него. Алиска по-музыкали села на уголоч. Подперев щеку, один палец оказался на губе, а другой на скуле — признак глубокой мысли. Наконец, она похлопала его по голени.

— Рассказывай.

И он рассказал. Опять же, таиться он не видел смысла. Всяко лучше, когда рядом есть хороший человек, прислушивающийся к и волнующийся за. Серега от этой мысли мысленно боролся с ломящимся наружу избытком чувств. Было приятно от заботы сестры и неприятно от самого же себя. Впрочем, повествование он довел до конца.

— Прости, но ты опять раздуваешь из мухи слона. — В ее профиле слово «прямолинейность» точно бы стояло в анфас. — Фактически же вы не смогли выбрать песню, она тебе наговорила какой-то лабуды, и вы разбежались. Лабуды! — Спор вовремя прижгли на месте. — Ты ж помешан на музыке, и не смог песню выбрать. Я тебя не узнаю! — Она по рукам не получила, разумеется.

— Но я правда не придумал. Это должно быть самым лучшим вариантом, понимаешь?

— Тоже мне новости! Ладно, давай подумаем. Чижа брали?

— Не сыграю «Фантома». А другое не то.

— Жанна Агузарова?

— Там петь надо. Не буду осквернять.

— «Арктические обезьяны»?

— При всем уважении, но на акустике там не уедешь.

И так они играли в музыкальные «Города» еще минуты три.

— А «Ночь»-то? Точно можно же.

— Какая «Ночь»? Ты о ком?

— Да не группа это. Я про «Пикник»!

Стоп. Крутаните пленку.

Покажите отца. Это он пел им эту песню. И это единственное, что смутно помнили и брат, и сестра о нем. Затуманенный «раздолбай», от него исходил теплый дух беззаботного детства. А беззаботность эта перетекла в жизнь Сереги сама собою. Она была его стыдным корешем, с которым тебя много связывает, но на публике его поступки не понимают. Ему оставалось лишь глупо улыбаться и просить друга остановиться. Но кореш этот и знал лучше всего, что где-то глубоко внутри они — лучшие друзья. Глубоко в голову Сереги засела уже трижды подгнившая фраза «Яблоко от яблони», но он по этому поводу не грустил. Правда, и вспоминал нечасто. А тут Лиска. Как всегда, в нужное время и в нужном месте.

Высоченный папа стоял, прозаически улыбаясь и неловко опираясь о белую стену кухоньки. Сегодня он собирал свои вещи. С Людой не вышло. Да и сам он в этой паре не вышел. А собой мучить никого не хотелось. В чемоданах комом смешалось тряпье. Впрочем, погладит потом. Руки же грела гитара. И всегда ее тепло пригождалось в моменты самых нехороших стуж. Отличная была акустика.

Жена сидела в спальне и ждала стука двери. Дети же вышли послушать лебединую песню. Прекрасную песню. Алиса запомнила, что лицо папы будто бы пропустило через себя каждую ноту, каждый звук. Серый запомнил, что папа красиво пел.

Пусть в объятьях темноты
Бьется кто-нибудь другой.
Мы свободны и чисты,
Мы проходим стороной...

А посмеяться до боли в ушах он всегда был не прочь. Смешной человек, смытый волной взрослости. И в этой песне он для себя понял То Самое и Очень Важное.

Малютки впервые оказались там, где за душами ведется наиболее тщательный уход. Музыка покорила их. Сразу. Все пять минут они стояли в оцепляющей все на свете магии.

Двое членов семьи параллельно заплакали в последнем надрыве солидарности. Дети уткнулись папе в колени. Он объял их своими большими руками. А после ушел. И понял, что боится появляться. Жизнь его к такому не располагала.

Верните, как было. Да куда ж вы к спойлерам крутите, я говорю, как было! Все, шуруйте.

Сергея осчастливил. Вот это было ОНО.

— Какая же ты умница, Алиска. Умница!!! — Он резко подскочил с кровати... — Это настоящее бинго! — И начал быстро хлопать. — Все, решено! И почему я сам до этого не додумался, боже мой, это же так просто!

— Все гениальное — просто, знаешь ли.

— Да, ты — гений! — Он хитро ухмыльнулся. — Тебе полагается награда!

— Да какая мне... АХ ТЫ ГАД!

Щекотка входила в договор о разоружении первым числом. Вторым же входил ультразвук.

— Чего ты визжишь? Как девчонка, ей-богу!

— Отвали! Я же, а-ха-ха, сейчас, ха-ха, погибнуУУУ! — Переход на оплеухи — трюк проверенный, конечно, но и технологии на месте не стоят.

— Эй, не дерись! Никто тебя тут не убьет — клянусь бородой Мерлина!

Пошла бомбардировка ладонью. Спина стала эквивалентом «выженной земли». Но Серый в этот день был до конца!

— Сережа, ну прекрати уже! — В голосе слышались слезы, что означало грубую, но все же победу храброго вояки. Он тут же опустил руки, но успел получить контрольный по заправке.

— А вот это уже нечестно!

— НЕЧЕСТНО? Да ты вообще первый начал! — Второй раунд Серега остановил примирительным жестом рук. Брейк! Ну, точнее мир.

— ...Чай, кофе?

— Главное, что не потанцуем. Затаскала ты меня, честное слово. Чай.

Алиса зевнула. Ей пора собираться. Ведьмой она была хорошей, не забывайте. Знает, когда и как.

— Хорошо, Сережа. Проводи меня.

— Чего? Ты все, что ли?

— Все, что надо, я уже увидела. Нужно привезла, тебя проведала. А дальше ты уже сам справишься.

Соло.

«ПРОШЛОМУ ВЗАМЕН»

...Так, блин, встаем, блин. Сколько там времени интересно. ЧЕ? КОНКУРС В ДЕСЯТЬ! У МЕНЯ МЕНЬШЕ ЧАСА! Вашу тетя Наташу! ПОЧЕМУ НИКТО В ЭТОМ ДОМЕ НЕ БУДИТ МЕНЯ!!! Ладно — ладно, успокоились. Проснулись, спели, причесались, улыбнулись и пошли. Потягушки быстро! Все — погнались.

Здорово я, конечно, проворочался. А мама же предлагала валерьянки накапать. Отказался, дурак. Ну ничего, русские не сдаются. Гитара — чек. В общем-то все. **МАМ, А ЧТО НА ЗАВТРАК?** Овсянка, это зашибись! Так, вперед, питаться!

Кстати, заметил, что с момента приезда никак не тянет к компу. Выучка, черт возьми! И сейчас выучка говорит мне идти зубы чистить.

Окей, лицо уже не позорит мою честь. По рукам уже слабина катится, гадство эдакое! Отставить, я кому сказал! **НЕ СМЕТЬ ОБСУЖДАТЬ ПРИКАЗЫ НА ЧАЛЬ-СТВА!**

Так, чего бы надеть? Ах, эти желтые ботинки... Да, это будет прикольно! Правда, не особо они желтые. Ну и пофиг. Шагают быстро по асфальту... Бабочку бахну, с галстуком я какой-то дурачок вечно. Челку, ммм, налево. И ты опять идеешь пешком... Джинсы, брюки, джинсы, брюки, джинсы. Нет, брюки. Блин, теперь слово тупым кажется. Брюки, брюки, брюки, брюки!

Застрял надолго в тооормозааах!

Ладно, все, подсобрались. Хватит ваньку валять. Стикер Ленки еще не стерся, слава Богу. Она бы меня в чехол упаковала от этой самой гитары. Да, Алиса, я само очарование, это правда! И как я такой у тебя уродился? Вот и я не знаю. **МАМ, МЫ ИДЕМ ИЛИ КАК?** Все, супер, погна-погна-погна! Ух!

Во, блин, ну и зданьце! ДК какой-то, что ли? А, это он и есть. Блин, да пофиг, где играть, главное — это я сам! Так, где список? Какой я по счету? Где Ленка? Ну почему, почему все так сложно! Тут и потеряться недолго. Ох. Когда она, наконец...

...Появится? Так вот же она! Леночка вышагивала. На каблуках. Серега, который целый месяц видел подругу в майке-сланцах, порядком подопустил челюсть. Вполне вероятно, что если бы она пришла еще и в платье, то Серый бы умер от слюнотечения в организм. Впрочем, и без него она была до даже-не верится-что-мы-знакомы зажигательна. («Кожаные юбки рулят!»)

— Здравствуйте, Сережа.

— Здравствуйте, Лена. Вы сегодня прекрасны.

— А до этого какая была?

Вот он, зверь в ловушке! Готовьтесь...

— А до этого была замечательна!

Эх. Хитер.

— Волнуешься?

— Да стандартный набор: ручки мерзнут, слабеют, какая-то фигня по телу катается.

— Это ничего, чувак. Я-то, блин, не меньше твоего волнуюсь! Ты ж мой представитель на мировой сцене!

— Я тебя не подведу. — Серега выбросил подогрубевшую руку вперед.

— Еще бы ты меня подвел. Сколько я на тебя времени угрохала! — Леночка крепко сжала ее в ответ. И тут же зашикала.

— Предатель! Как ты смеешь использовать этот прием против магистра?

— Да это чтобы ручки согрелись. Бывай. — Он отдал честь и поплыл за кулисы.

В последнем ряду актового зала сидел дед Коля. На соседнем же месте, у самого окна, его почти транквилизирующую речь слушал человек с большими руками. Он нервно-нервно чесал-чесал затылок и, казалось, не мог сосредоточиться ни на чем на свете. Он уже очень долго ждал.

Людмила Ивановна с Алиской расположились где-то посредине набитого группами поддержки зала. Леночка же, борясь с челкой, бросила приветствие Алисе (та лишь улыбнулась в ответ) и линкором двинулась в первый ряд. Чтоб Серега, очевидно, скончался от нервов на первых же аккордах.

— Алиса, что это за девочка с тобой сейчас поздоровалась?

— Ооо, мама. Это очень важная мадам. Наверняка ты скоро все увидишь. — Девушка откинулась в кресле и стала Чеширским котом. Ей почему-то совсем не было волнительно. Людмила Ивановна лишь пожала плечами.

...Ну почему, почему я последний? Я ж скончаюсь от нервов на первых же аккордах! Так, а что эта на первом ряду забыла? Уйди! Кому говорят! Улыбается сидит. Вот выйду, надаю по шее кому-то! Ладно, не надаю. Как страшно-то, господи! Нога уже сейсмические волны вызывает. Спокойствие! Вдох. Выдох. Вдох. Всем тихо! Все нормально будет. Будет нормально, нормально...

...Сергея целый час сидел и шептал всяческие вариации «Все будет нормально». И вот как прикажете выходить в такой кондиции? КАК?

Тут Серый съездил себе пощечину. Пару человек странно посмотрели на него; впрочем, некоторые смотрели и с пониманием. Но Сергею было не до этого. Он был во внемирье. Его буквально не существовало все то время, пока он ждал. От Серого лишь нешуточно веяло какой-то ослабляющей энергией.

— Эм, приятель? Ты следующий.

...Я? Следующий? Так тут же еще человек... А. Я один остался. А я, а я готов! Готов на все сто, тыщу и десять тыщ! Что хотите делайте, а я готов! Черт, да у меня щас ноги нахрен откажут. Не откажут! Никто ни от чего не отказывается! Все будет ХО-РО-ШО!

...Одна Лена распознала взгляд Сереги, когда тот выполз на сцену. Он был фарфоровый. Кранты парню. Он вообще ничего не понимает. Уже пять секунд сидит без движения. Ну же!

— Давай, Сережа. Ты сможешь.

...О. Лена. Лена? Так я уже на сцене? Все, понял. Фух. Какая тишина. Ладно. Погнали.

...Пальцы Сереги вдруг цепко встали по позициям. И после первого аккорда резко и безошибочно заметались по струнам. Взгляд Сереги подплавился, все еще не подавая явных признаков жизни. Но тело отчаянно тащило его в прорыв. Молитвенно Серега шептал родные слова. Пальцы не ошибались. Леночка из-под челки настукивала ладошкой ритм. Хотя Серый ее, конечно, не слышал.

— Вить, ты чего?

— Это та самая, Матвейч. Он все помнит.

— Ох. Точно.

И шепотом:

— Молодец, парень. Молодец.

Проигрыш «Ночи» разрывал ткань пространства острыми струнами. Охваченная нотами Алиса взяла дрожащую руку мамы в свою и смогла сказать:

— Вот тебе и особенная. Не плачь, мама. Разве Сережа у нас не молодец?

А он и вправду был молодец. Серега ни разу не отпустил мелодии дальше, чем надо. Музыка была в его власти сегодня. На последних аккордах Серый наконец-таки понял, что...

...Неужели это я? Я сейчас на сцене перед сотней людей и все еще жив? И Ленка вон сидит. Лыбится, ишь. Фух. Хорошо, наверное, сыграл, раз лыбится? Вот и хорошо. Главное, не накаркать. Остался последний...

...Врум. Очень громкие аплодисменты раздались сразу из трех точек зала. Серега встал, пощупал руку, как бы не веря, что они сейчас вместе через это прошли, кивнул шеей куда-то вниз и прошелестел по ступеням со сцены. Машинально отбив пять Ленке, рука которой почему-то была немножко мокрой и необычно дрожащей, Серый дошел до середины зала и бухнулся в кресло между матерью и сестрой, при этом закрыв глаза так крепко, что, казалось, он тут же уснул. Серега сделал все, что мог.

Никого ниже третьего места не объявляли, и Леночка сама не знала, на что надеялась. Она почему-то растрогалась до невозможности, и ей было так странно и так радостно! Боязнь потерять свою будто бы только что приобретенную жизнь забурила в ней, и Ленка заерзала, заперезживала за все сразу. Но что-то ей все же подсказывало, что Сережа сегодня будет первым. Итак, третье место, давайте же уже быстрее...

...Чего? Я третий?

— ...Сергей Смирной! Где же вы, поднимайтесь на сцену!

Машинально отбив пять Ленке, которая в этот раз отбила ладонь так же машинально, Серега взял диплом третьей степени и конверт. И кому он только машет, спрашивается? Будто Оскар взял, ей-богу. Сумасшедший, что возьмешь!

...Ну и ладно.

— ...Сынок, ты такой молодец! Я даже не ожидала! Умница, Сережа!

— Да ты вообще молоток, братишка! Отлично сыграл!

Серега лишь растерянно заулыбался:

— Спасибо, мама, спасибо, Алиса. Я, признаться, пока совсем ничего не понимаю. Так что давайте потом все обсудим, ладно? Я пойду воздухом подышу.

Уже у дверей его окликнули:

— Молодой человек, а вы меня приятно удивили!

— Дед Коля, рад встрече! И рад, что вам все понравилось.

— Да, все было шикарно! Вы проделали отличную работу, Сергей!

— Спасибо вам.

— Кстати, я пришел сегодня не один. Хочу вас познакомить с одним моим другом.

Мужчина с большими руками резко приподнялся. Ему совсем не шла борода. Ему ее как будто отдал дед Коля на поносить. Глаз не было видно из-за огромной челки, остальные же волосы русо свисали на плечи.

— Здравствуй. — Мужчина сглотнул.

— Здравсьте. Сергей.

— Кхм, Виталий.

— Очень... («Хм.») Приятно.

— Мне тоже, мне тоже очень! Ты отлично играл сегодня, Сергей.

— Спасибо. Впрочем, я сам не совсем понял, как это сделал.

Мужчина легко рассмеялся:

— Да, мне знакомо. Но это не страшно. Все с опытом придет.

— Надеюсь. Но я, признаться, не уверен, что теперь мне дорога только в гитаристы. А теперь, извините, мне надо выйти. Голову проветрить.

— Конечно, не смею задерживать. Удачи тебе.

— До свидания!

У мужчины была мягкая рука. Серега наконец-то покинул четыре стены и огромный гнетущий потолок. За ним следом побряцала каблучками и рыжая. Им и душно стало вместе.

— Пока, сынок. Рад был повидаться.

Серый обнаружил себя на лестнице. Та вела к бесконечной аллее адамовых деревьев. Парень решил пройтись. И сел на первую же скамейку. Примостившись боком к нагретой солнцем спинке, он выдохнул. Голова помаленьку начинала понимать, что она по-прежнему сидит на все той же длинной шее, что и прежде, и что волосы на ней все так же русы. Ну, может, пару седых волосков решили поставить свои серые флаги где-то на висках. Скоро спина почувствовала другую спину. Небольшую такую.

— Ну...

— Меня не спрашивай. Я в ауте.

— Ладно, молчу.

И они молчали. И первый раз за сотни лет, казалось, в городе подул-таки ветер. Самый настоящий. Он добро и ласково потрепал ребят за волосы, немножко похулиганив, впрочем, над челкой Леночки, сдул с них все сомнения и волнения, улыбисто засвистел и, напоследок прошептав каждому «Удачи», полетел в далекое далеко. Его ждали где-то еще.

— Слушай.

— А?

— Что там в конверте хоть?

— На, открывай сама.

Ленкина спина задрожала. Что там, лук нарезали, что ли?

— Не может быть! Мы богаты! Мы мультигипермиллионеры! Ты представляешь! Тут же целых пять тыщ рублей! — Ленка наконец-то отпустила неприятные и нервные внутренности и захохотала. С ней пробило и Серегу. Ура!

— Малая, у меня есть план. Пойдем-ка прогусарим наши честно заработанные? Может... — Серега запнулся, но тут же складно продолжил, — по мороженому? По пицце? По неважно вообще чему, но по чему-нибудь? Вдвоем.

Ленка поводила спиной, спустила ноги с лавочки и протянула Сереге свои туфли:

— На, понесешь. Знал бы ты, как я задолбалась в них ходить!

— Так а че ж притопала в них? Неужто из-за меня?

А вот это было лишнее.

— Беги, Смирной. Даю фору пять секунд. ТРИИИ...

...Эй, а почему с трех-то? Ладно, Ожегова, фигу ты меня догонишь. Понеслась душа в рай!

Серега встал в низкий старт, и, услышав кипяще растянутое «ДВААА», набрал вторую космическую скорость так быстро, что весь мир перевернулся вверх тормашками. А точку опоры ему подарила одна пламенная, но крайне добрая и чувственная в душе девчонка. Смачным таким пинком.

— ОДИИИИИИ! БЕГИ, ЗАЯЦ, БЕГИ!

Судьбоносная гонка ждет этого молодого человека, не находите? Что ж, дальше ты сам, Серега. Хотя... Что это я? Один ты уже точно не будешь. Я за тебя спокоен, братец. Как-нибудь еще увидимся, не бойсь. Мир тебе, обредший странник, и...

Удачи, Сергей Смирной!

